

НА УЛИЦЕ ДЫБЕНКО

КРИСТИНА
МАИЛОВСКАЯ

альпина

ПРОЗА

Москва, 2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
М14

Редактор Аглая Топорова

Маиловская К.

М14 На улице Дыбенко [роман] / Кристина Маиловская. —
М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 346 с.

ISBN 978-5-00223-267-3

Она изучала Петербург Достоевского, он крышевал рынок в девяностые. У нее кот и черепашка, у него пес. Она одинокая полукровка, у него полная станица донской родни. Она и себя-то не знает, как спасать. Он помогает бедным и обездоленным, подкармливает бродячих собак. У нее есть он. У него — наркотическая зависимость. У них — квартира на улице Дыбенко и данное друг другу слово быть вместе сейчас и всегда, в радости и горе, в жизни и смерти.

«На улице Дыбенко» — дебютный роман писателя и драматурга Кристины Маиловской. В 2022 году одноименная пьеса вошла в шорт-лист конкурса новой драматургии «Ремарка» и стала дипломантом конкурса «Исходное событие — XXI век».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-267-3

© К. Маиловская, 2024
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

Часть первая

1

Кира нащупала телефон и выключила будильник. Уже много месяцев она прятала его на ночь под подушку. Кошелек не представлял никакого интереса, наличных в нем давно не было, а пароля от банковской карты Сережа не знал. Ценных вещей в доме больше не осталось. С уходом ценных вещей ушла и забота о них. Пришло спокойствие. Ощущение надвигающейся катастрофы стало привычным и уже не пугало.

Сережа лежал на спине, запрокинув голову. Это была не самая лучшая поза в его состоянии, и раньше Кира обязательно прислушалась бы к его дыханию, но теперь встала с кровати и, прихватив со стула телефон и одежду, пошла на кухню. Она ступала как можно тише и умелым движением абсолютно беззвучно прикрыла дверь.

Было время, когда они вставали вместе и Сережа варил для нее кофе. В те дни даже эта маленькая невзрачная кухня с казенно-зелеными стенами казалась уютной. Он и сам тогда был большим и уютным в семейных трусах в горошек. Сидел на маленькой табуретке, закинув ногу на ногу, и курил, поглядывая в огромное окно. На улице, вне зависимости от сезона, двигались сонные люди, которым, похоже, никто не сварил кофе.

Кира щелкнула пальцем по чайнику, и он предательски громко заурчал. Затем быстрыми движениями натянула брюки и «свитер Хемингуэя», как она сама его называла, налила чай и облокотилась на широкий подоконник. Чай и сигарета — это был ее завтрак. Да, она похудела дальше некуда. Да, у нее не было аппетита. Но кого это волновало? Сережа за последний год высох и выцвел так, что его широкие плечи, казалось, вот-вот надломятся, как ветви прогнившего дерева. А тут еще этот ноябрь!

В ноябре на город наваливалась непроглядная, тягучая серость. Казалось, ей не будет конца. Солнце закатывало глаза, являя свои белки, и уходило навсегда. Ходили слухи, что оно вернется, и в марте уже будет легче. Но в это верилось с трудом. Тоска не имела пределов. Люди плакали, как плачут маленькие дети вслед уходящей матери, не понимая, когда она придет обратно. Морось проникала в местных жителей, разливалась по жилам, и они, безоружные, не способны были противостоять силе этого города. Они любили его чахоточную бледность и анемичные будни, любили так, как любят больных и пропащих мужчин.

Надо что-то делать, решать, действовать. К этим мыслям Кира привыкла, как к бесконечной серости за окном. За последний год она не раз порывалась уйти. Собирала чемоданы. А на следующий день разбирала. И дело даже не в том, что идти некуда. Было бы желание. Но выходило так, что уйти невозможно. Потому что даже собак и кошек не бросают вот так погибать. А оставить человека, который

за десять лет стал ей, бесхозной девочке, мамой, папой и другом, она не могла.

Ручка кухонной двери скрипнула, и Кира съехала.

— Я сильно храпел?

Тысячу раз она ему говорила. Мало того что он храпит, так еще дергается всю ночь, как от электрических разрядов. А другой кровати нет, и места для нее в комнате — тоже нет. Теперь от вечного недосыпа Кира засыпает где угодно: в метро, на работе, в кафе. Дошло до того, что на днях задремала в кресле у стоматолога.

Сережа подошел и обнял Киру со спины. Она не обернулась и продолжала курить, глядя в окно.

— Дома во сколько будешь?

Как изменилась жизнь. Ведь еще год назад она была бы рада этому вопросу.

— Кирюш, мне деньги нужны. Восемь тыщ. Я верну. Завтра. Край — послезавтра. И прошлые пять тоже.

Кира затушила сигарету. Нужно сделать бутерброд. Аппетита, конечно, нет, но может заболеть живот или упасть давление, как в прошлый раз — тогда пришлось откачивать ее всей кафедрой. А потом Олег Михайлович вызовется провожать ее до метро. И не отделаешься ведь. Человек заботится, переживает. Уж лучше съесть бутерброд.

— Я устал, малыш. Соскочить хочу, понимаешь? Насухую не сдюжу. Мне метадон* нужен.

* Является наркотическим веществом и запрещен на территории РФ. — Прим. ред.

Кира уложила бутерброд в контейнер. Яблоко. Где-то было яблоко...

— Ты не думай, в Европе его вместо лекарства дают. Метадоновые программы есть. В натуре, малыш, ты мне что, не веришь?

А вот и яблоко. Так, еще сигареты не забыть. И книгу.

Кира шла в прихожую. Сережа покорно плелся за ней.

— У меня, кроме тебя, никого нет, Кирюш. Помоги мне.

В туфлях уже холодно, так что выбрала ботинки. Сережа подал Кире плащ. Кира обернулась к вешалке. Сережа поймал ее взгляд и подал ей зонт.

— Кирюш...

Ключи взяла. Телефон, кошелек на месте. Кира потянулась к замку, но Сережа сам открыл дверь.

— Кирюш...

И она выпрыгнула из норы.

2

Нора или живопырка — так Кира называла крохотную квартирку в Веселом поселке, на улице Дыбенко. Веселым в поселке было только название. Фамилия матроса Дыбенко не добавляла шика этому месту. Это было гетто для люмпенов. Но Кира сразу полюбила этот город интеллигентных алкоголиков. Там, на Волге, алкоголики были просто быдлом.

Волгоград ей никогда не нравился. Разрушенный до основания во время войны и выстроенный заново эсками, пленными немцами и бывшими военнопленными, приехавшими со всего Советского Союза, он так и не стал для нее родным. Этот город степей и сильных ветров и сам смахивал на вышедшего на свободу уголовника, который вроде бы и устроился на работу слесарем-сантехником, женился и имеет двух несовершеннолетних детей, но того и гляди воткнет тебе по пьяни заточку в почку.

Волгоград наполовину состоял из частных домов, после войны наскоро сколоченных из всех подручных средств, а теперь, спустя пятьдесят лет, это уже были не дома, а прогнившие хибары с покосившимися заборами. После школы Кира заходила к друзьям-одноклассникам, а в девяностые, после лекций, случалось, пила паленую водку на вечно захламленных дворах, где могло валяться все что угодно: найденное, утащенное, спизженное барахло — мудреные «гравицапы», неработающие мопеды, запчасти неопознанных механизмов. Тут же на корявых и неухоженных грядках росли впопыхах посаженные кабачки и «синенькие». А в черной конуре в обнимку с погнутой, засиженной мухами алюминиевой миской бессменно сидел какой-нибудь барбос в колтунах, с дикой болью в глазах. Только не смотреть ему в глаза! Только не встречаться с ним взглядом! Хотелось быстрее напиться и заодно напоить барбоса, чтобы хоть как-то облегчить его существование. Придет время, и она найдет человека, мечтающего осчастливить всех барбосов на свете.

До Волгограда Кира жила у моря. Тогда маленькой кудрявой девочке казалось, что море есть в каждом городе, как дома, улицы и трамваи. В том давнем мире жили мама-папа, еврейская бабушка и даже прабабушка, молоканская* бабушка и нерусские дедушки. Про себя же Кира говорила, что она — метиска. Удобное слово — не нужно перечислять национальности предков. Кем по-настоящему была Кира — никто не знал, и она сама не знала, да это и не было тогда важным.

В том старом мире все было хорошо, во всяком случае так казалось.

Но однажды из окон, выходивших на море, донесся страшный гул, какого Кира никогда не слышала и даже не могла себе представить, что бы это могло быть. Она выбежала на балкон, увитый виноградной лозой, встала на стул и увидела, как по улице двигалось море. Не Каспийское, а темно-серое волнующееся море из человеческих голов. Головы шли, плотно прижавшись друг к другу, будто таким образом хотели стать сильнее, и шумели так, что невозможно было разобрать ни слова. Они били стекла, поджигали машины и бросали бутылки с зажигательной смесью.

На соседний балкон выскочил десятилетний мальчик Мурад, который уже давно оказывал Кире разнообразные знаки внимания. Месяц назад он спросил у своей мамы, может ли та отдать ему все их фамильное золото. Мурад знал, что семья его

* Молокане — последователи одного из течений духовного христианства.

жила хорошо и золота у них было много. Во всяком случае, достаточно, чтобы сосватать кудрявую соседку. В тот день после школы он подошел к Кире неспешным, уверенным шагом. Этот смуглый мальчик знал, что настоящий мужчина не должен суетиться. Он легким движением приблизил Киру к себе и шепнул ей на ухо:

— У нас будет много золота. И еще бриллианты. Мой папа зарежет большого барана на нашу свадьбу. Ты выйдешь за меня?

Теперь же, привстав на носочки, мальчик с тревогой всматривался в движение серых голов. Что-то подсказывало ему, что их свадьба не состоится. На следующий день Кира не пошла в школу. Пришлось прятаться в квартире еврейской бабушки и азербайджанского дедушки, потому что на их двери висела табличка «Ахмедов З.», и это было надежной защитой.

Одноклассники Киры переживали, что их покинет лучшая ученица класса, ведь за последние два дня уже уехал мальчик Арташ и девочка Ануш, но эти двое не были отличниками, оттого эта потеря не была настолько невосполнимой для третьего «А».

Двадцать восьмого февраля многие не пошли в школу и на работу. Многих уже убили: зарезали, сожгли, изнасиловали, выкинули с балконов. Шумные головы врывались в конторы ЖЭУ, угрожая топорами и ножами, требовали списки жильцов и выискивали фамилии, заканчивающиеся на «-ян». А у Киры, к сожалению, была именно такая фамилия. Она ей досталась от папы, а папе — от его папы. И никто из них

в этом не виноват. Папы, к счастью, уже не было в городе, год назад он уехал в Волгоград на заработки. А дедушка, который много лет шил автомобильные чехлы и обивал мебель на улице Дружбы в маленьком приморском городе на Апшеронском полуострове, уже три года как лежал на старом армянском кладбище, и ему ничего не было страшно.

Некоторые из местных жителей прятали соседей и друзей в своих домах и подвалах, и кому-то из тех, с особенными фамилиями, посчастливилось спастись. Киру же уложили в багажник старой «шестерки», накрыли теплым одеялом и вывезли в аэропорт города Баку, откуда она вылетела ночным рейсом в Волгоград. А на следующий день в двадцатиградусный мороз уже шла в школу района, который назывался Краснооктябрьским. Теплой одежды у Киры не было, ведь в том городе у моря никогда не бывало морозов и почти всегда светило солнце.

3

Сережа кидался из угла в угол маленькой квартирки, как пойманный зверь. Он знал, что кумары подступают незаметно, подкрадываются из-за угла, и поджидал их уже во сне, оттого и крутился в кровати ужом, пытаясь увернуться и не попасть в их когтистые лапы. Под утро начинало ломить суставы и прошибал пот. Начинались озноб и насморк, потом скручивало кишки и наваливалась тошнота.

Настоящая ломка, или «абстыга», наступала через сутки. Ее Серега и боялся. Хотя, если вдуматься, Серега в этой жизни не боялся ничего и никого. Просто он попал в капкан, но стопудово из него выберется, даже если для этого ему придется отгрызть себе руку.

Он с трудом натянул брюки и свитер. Кожа становилась чувствительной, а руки и ноги сводило судорогой. В этот момент все мысли отступали, таяли в тумане. Кира, планы на будущее, данные сотни раз себе и другим обещания, долги — все смывало огромной волной. В голове выстукивала только одна мысль, одна идея, переходящая в дикое желание, похожее на неумное чувство голода, которое нужно утолить во что бы то ни стало.

Он вышел из квартиры. К соседям не было смысла обращаться, и так всем должен. Гордость он давно растерял, растратил, профукал, оставались только гольная надежда и вера в несбыточное. Вера в то, что как-то удастся прожить и этот день. Ведь сказано же, не заботьтесь о дне завтрашнем, ибо завтрашний будет сам заботиться о себе: довольно для каждого дня своей заботы. Пусть тебя везде шпыняют и шарахаются как от шелудивого пса, а ты идешь, потому что не можешь не идти. Как там она ему читала про того конченного алкаша, у которого дочка в проститутки пошла: *«А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!»*^{*}

^{*} Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание».

И он нажал на кнопку звонка соседской двери.

— Здорово!

Главное — не стучать зубами. Он уже давно научился в нужный момент группироваться, как при падении, и сейчас пытался припомнить ту уверенность, с которой жил всегда и которая была частью его личности. Уверенность, от которой такие, как этот Павлик, забивались под стол. Нужно было расправить плечи, смотреть прямо в глаза, поднять подбородок. Есть же память тела. Но Серега не вспомнил ничего. От уверенности не осталось и следа. Тело не слушалось. И Павлик это почувствовал.

— Ну здорово.

— Одолжи пять штук. Завтра верну, край — послезавтра.

— Ты у Жанны брал.

— Я верну.

— Могу телефон клиники дать.

— Да пошел ты!

Серега развернулся и пошел вниз по лестнице.

«Вот чертила, — думал он. — Сам запойный алкоголик, закодированный. Полгода не пьет, и у него уже крылья выросли. Видали? Жену-детдомовку гнобит. Разберемся».

Эти двое не нравились друг другу. В другое время Серега бы его урыл. Но времена изменились, и нужно было засунуть все свои прежние амбиции куда подальше.

По-хорошему, нужно было тыщ восемь. На метадон. Бобер сказал, что это верная тема. Можно мягко соскочить. Типа прихода нет, но не так ломает,

как если переламываться на сухую. Сдаваться в клинику не хочется. Хотя многие так делают, чисто чтоб дозу согнать. Это называется «почиститься» или «полечиться». Лежал он тут недавно. Не его тема. Он с детства не любил санатории всякие, лагеря. Человек он независимый. Сам по себе. И справится сам. Совсем немного надо. Сейчас и тысяча спасла бы. Ведь не хочется подыхать. Не хочется. Не хочется.

Он нырнул в вязкую утреннюю тьму, и вдруг из кустов одна за другой стали выпрыгивать собаки. Поднялся лай и визг. Юркие, полные сил, они окружали его. Сбивали с ног. Подскакивали во весь свой собачий рост, каждая норвила подпрыгнуть повыше и лизнуть. Серега уворачивался от них, выставляя вперед руки и пригибая голову.

— Вот черти! Я ж кости не взял. Забыл я. Спешу. Да ну вас, чумные! Я скоро. Туда и обратно.

Собаки с лаем бежали за ним, насккивая друг на друга.

— Опять свору свою притащил! Ружье принесу, отстрелю всех на хрен! — прозвучало откуда-то сверху.

Но Серега с собаками уже скрылись за поворотом.

Они пробежали за ним два переулка. Пришлось притопнуть, прихлопнуть, шугануть, только после этого одна из них, черная Герда, наострила уши, задумалась, повернулась и побежала обратно, остальные же стояли в сомнении, глядя то на удаляющегося Сережу, то на убегающую Герду. Умная девка эта Герда. Сережа выделял ее среди лохматых

безбашенных дурней, и все остальные в стае это чувствовали.

В конце концов молодой одноухий Фокс сорвался с места и помчался за Гердой, и вся стая пустилась за ними. Эти двое, Герда и Фокс, уже давно тусили вместе. Остальным же кобелям ничего не оставалось, как не отставать в надежде получить хоть немного внимания со стороны черной красоти.

* * *

Любая станция метро — дитя вокзала. Алкоголики, наркоманы, бомжи, проститутки, карманники ходят туда как на работу. У каждого свое дело, своя нужда. Сережа быстрым шагом шел к метро. На Исковском он наткнулся на Димона Саволайнена.

— На точке был? — спросил Серега.

— У меня туда хода нет.

— Найди бегунка.

— Серый, где я тебе его найду? Облава была.

Кроля приняли с весом на кармане.

— Че делать будем?

— Тебя там знают. Не обидят.

— Не мое это. Легче забашлять.

— А у тебя сколько?

— Нисколько. Ты Кабана видел? В курсе, что он мне пять штук торчит?

— Умер он.

— Да ладно.

— Прикинь, неделю назад сидели с ним, и он мне такой говорит: «Чуйка у меня, умру скоро».

Я ему, типа, жути на себя не гони, кумары это. Вмажься — подотпустит. А он в натуре чистый сидел. Я тогда еще подумал — плохо дело. Короче, накрыло его.

* * *

У входа в метро полуслепой Петруша пел, растягивая меха аккордеона.

Я засмотрелся на тебя,
Ты шла по палубе в молчании,
И тихо белый теплоход
От шумной пристани отчалил,
И закружил меня он вдруг,
Меня он закачал,
А за кормою уплывал
Веселый морвокзал.

Петруша закатывал невидящие глаза, являя миру свои белки. Это был его коронный ход. Люди хорошо подавали.

* * *

На Большевииков у метро Серега пересекся с Чубарем.

— Ты Босого видел? — спросил Серега.

— Он на Ваське. Там, говорят, товар зачетный.

Не говно местное.

— Не доеду. Не сдюжу. Дай штуки три.

— Не могу. Ему все отдал. Пустой.

И в доказательство своей «пустоты» Чубарь пошарил по карманам.

* * *

На Коллонтай увидел со спины Рыжего. Тот переходил улицу по зебре, опираясь на костыль. Загорелся зеленый свет, и машины нетерпеливо засигналили. Серега поравнялся с Рыжим, подхватил его под левую руку, и они вдвоем доковыляли кое-как.

— Рыжий, ты че в тапках?

— Мода такая.

— В натуре?

— Не лезет ниче, кроме тапок.

— В смысле?

Рыжий приподнял штанину и показал ногу.

Серега отшатнулся.

— Некроз. Скоро отрежут.

— Убери, бля.

Рыжий послушно опустил штанину.

— Есть пара штук?

— Серый, я похож на человека, у которого есть пара штук? Пятка есть. Хошь напаснуться?

* * *

С Коллонтай Сережа дошел до проспекта Солидарности, оттуда на Товарищеский, потом на Большевиков и на тяжелых ватных ногах вернулся на Дыбенко. С каждым днем маршрут его все удлинялся

и усложнялся новыми зигзагами и крюками, а сил становилось все меньше. Он уже выучил имена всех пролетарских героев, в честь которых были названы улицы этого района, и даже сроднился с ними, будто они были членами его семьи — дядьками и тетками: Шотман, Коллонтай, Дыбенко, Антонов-Овсеенко, Подвойский... Кто они были, эти черти? Герои или такие же бродяги, как и он сам? Ловцы несбыточного счастья. Фанаты вселенского «прихода».

Сережа поднялся на пятый этаж. Руки не слушались — пришлось несколько раз выдохнуть и приложить усилие, чтобы попасть в замок ключом.

Хотелось грохнуться на пороге и замереть. Не двигаться. Но не двигаться было нельзя. И Сережа, не разувшись, прошел по ковру, открыл шкаф и вытащил коробку. Она была в пакете. Удобнее будет нести. Он присел на диван, вытер пот со лба тыльной стороной рукава, который уже потемнел от влаги. Вязкая тьма за окном превращалась в серую жижу.

Закурил.

А может, в окно? И все. И нет ничего. Ни стыда, ни боли, ни бега с препятствиями. Один только покой.

Но тогда они не встретятся с ней там — наверху. И придется болтаться одному. Как говно в проруби. Навечно. Хорошие дела... Этого он допустить не может. Все что угодно, только не это. Он готов испить эту чашу до дна. А хули. Жизнь прожить — не поле перейти. Не все коту творог, когда и мордой об порог. Че? Думал, бабла до хуя и все можно? Думал,

бога за яйца ухватил? Ан нет, дружочек! Походи, побегай! Повертись ужом, сучий потрох!

4

— Кирочка, вы статьи читали?

— Не все.

— Вы их там поторапливайте, это ж народ такой, пока гром не грянет...

— Угу.

— Вы в курсе, что к нам финны едут? При чем по вашей теме. Достоевский, Санкт-Петербург и что-то еще... Я буду вас рекомендовать в кураторы.

Кира накинула куртку, нащупала в кармане пачку, зажигалку. Она спускалась по старым стертým ступеням и казалась сама себе человеком, случайно забредшим в это старое учебное заведение. А с другой стороны, чему удивляться? Она попала сюда не просто так, ее выбрали. Одну из многих. Все-таки образование и даже несколько статей в анамнезе. Да и своевременный телефонный звонок из Волгоградского педа на кафедру сыграл свою роль. Сердобольная Светлана Георгиевна взялась хлопотать за нее. Позвонила старому приятелю, Олегу Михайловичу, сказала: «Возьми, Олежек, девочку нашу. Хотя бы стажером для начала. Не пожалеешь. Хорошая девочка. Умная. Литературу любит. Стихи пишет».

Да, она любила литературу. И, по правде говоря, именно здесь и было ее место. Где же еще, как не здесь?

Она вышла на улицу. Навстречу прыгающей походкой двигался Олег Михайлович.

— Рад вас видеть, Кирочка! Вы пообедали?

— Еще нет.

— Может, на ланч махнем? На Грибоедова открылся новый ресторан, были там?

— Я взяла с собой. Перекушу после.

Ветер задувал в спину так, что кудри закрывали ее лицо. Олег Михайлович подошел к Кире ближе, так что животом едва не коснулся ее груди. Он отбросил несколько крупных прядей с ее лица, как отбрасывают чадру.

— Ох, Кира, Кира, вас впору кормить с ложки. Я начинаю за вас беспокоиться. И опять курить...

Он покачал головой с укоризной.

Кира отошла на полшага и с трудом улыбнулась.

— Жду вас наверху, — погрозил он ей пальцем и поскакал по ступенькам.

Похоже, новый заведующий кафедрой подбивает к ней клинья. Только этого не хватало. Смешной он. Круглый живот и ремень чуть ли не под мышками. Зачем же так задирает штаны? С такого живота они все равно не спадут. Сорок лет, а живет с мамой. Женат не был. Пишет докторскую диссертацию. Говорят, далеко пойдет.

Кира перешла дорогу и вышла на Марсово поле.

Что ни говори, а этот город прекрасен в любое время года. И за это ему прощается все. То, что он однажды проглотит ее, она знала. Чувствовала.

Город-живоглот. С этим гибельным настроением она сроднилась давно. Живет же Сережа так всю жизнь. И даже кайф от этого ловит. Можно назвать это волей к смерти, но Сережа называет это «гибельным восторгом». Говорит, что перед лицом смерти видит, как на асфальте начинают прорастать фиалки.

Кира присела на скамейку и закурила.

А у Олега Михайловича во время еды щеки раздуваются, как у хомячка. И от этого лицо у него выглядит глупым. Хотя он не глупый, конечно. Но, похоже, дело не в этом.

Чего уж, надо признать, что люди, которые живут на зарплату, не имеют сроков и зависимостей, кажутся ей инопланетянами. Они вроде бы и говорят на понятном языке, ходят на ланч, приносят из дома аккуратно упакованные контейнеры и бережно завернутые бутерброды, говорят о литературе в курилках и на кухнях, трезвыми и в подпитии. Да ведь и она делает то же самое. Вглядывается в их жесты, манеру смеяться, старается ухватить все до мелочей и стать такой же, как они. И похоже, ей это удастся. Ее принимают за свою. Она давно уже живет двойной жизнью, вечерами прыгая в нору, а утром опять выходя на поверхность. За десять лет с Сережей она будто «отсидела», у нее выросла вторая кожа поверх настоящей, и теперь уже трудно понять, где своя, а где та — новая.

Сережа шел к ломбарду с говорящим названием «Начало». Там его уже знали.

В ломбардах своя публика и опытные продавцы-приемщики. Без опыта сюда не берут. Те, кто не в теме, сбегают после первого дня работы. Смотреть на людей, которые, корчась в муках, трясущими руками достают из своих карманов фамильное золото, дедовские ордена, украденные в темных переулках телефоны, — непростое занятие. Некоторые из клиентов, особо выносливые, дотаскивают тяжелую бытовую технику: телевизоры, посудомойки и даже детские квадроциклы. Но таких немного. Во-первых, силы у этих страждущих, как правило, на исходе, а во-вторых, в таком нелегком деле всегда нужны помощники, а значит, надо делиться. А делиться в их безнадежном положении — недопустимая роскошь.

Но и это не все. За страждущими плотной вереницей идут жены, родители и прочие родственники. Вот тут главное — выстоять, не поддаваться тягостным завываниям и увещеваниям. «Этот выродок, подонок, иуда вынес квадроцикл! Вчера только дитю купили. На день рождения! Как же так? Да вот же он! Вон же стоит, красный! Да, это наш! Точно я вам говорю! Там даже скол справа. Видите? Это Славка наш навернулся на повороте. Сколько он получил у вас? Говорите! Мы сейчас на вас милицию нашлем! Сколько? Тыщу? Две? Вот вам, нелюди! Отдавайте наше добро! Ироды вы

проклятые! Наживаетесь на чужом горе! Чтоб вам пусто было! Чтоб ваш ребенок так вещи из дома выносил! Чтоб вы сдохли!»

* * *

Продавец-приемщик вынул коробку из пакета.

— Зачетные. Где надыбал?

— Не твое дело.

— Штука.

— Ты охренел? Это ж новье. Италия. Ручная работа.

— Штука.

* * *

Сереза вышел из ломбарда уже без пакета. Ему надо пройти еще километра четыре. Чубарь нашел гонца, и теперь они ждут Серезу с деньгами на проспекте Солидарности. Им двоим должно перепасть децл, оттого они и стараются.

В этой бессмысленной изнуряющей каждодневной гонке Сереза со временем стал находить новые смыслы. За последний год он несколько раз пытался соскочить. Закидывался снотворными и обезболивающими, запивал все это водкой и уходил на неделю-другую в астрал, после чего постепенно возвращался на землю. Лежал в своей квартирке, не шевелясь, и чувствовал, как на него наваливается огромная бетонная плита. И нет никаких сил ее сдвинуть. Лежи и помирай. В голове в эти минуты

проносились картинки, мысли. «Кира. Девочка моя. Измучил я ее. Иссохла вся. Кормит меня. Терпит. Сколько она еще так выдержит? А ведь она не железная. Молчит. От этого и тошно делается. Другая сковородой уебала бы. А она придет с работы, сядет рядом. По голове меня гладит. Святой человек. Ясен пень, не чужой я. Нет ведь у нее никого. А я дерьмо собачье. Нет мне прощения. Сдохни, тварь! Иди вон напаснись колесами, водярой запей и сдохни!

Бобру должен до хера. Всем должен. Весь свой авторитет растерял. На рынке все непонятно. Азеры прижимают. Времена изменились, сука! Нехрен было в болото это сраное приезжать. Не надо было никого слушать. Перспективы, блядь! Большой город! Мечтал попасть в Петропавловские казематы. История, блядь! Там Кропоткин сидел. Он же кумир мой. Я же анархист по жизни. Идиот, блядь! Мечтал полежать на его шконке. Проникнуться духом анархизма. Херня все это. Где родился — там и сгодился. Тут все чужое, понятия не те. Жизнь уже не та. Бобер вон говорит, надо легализироваться, на свет надо выходить. Бабло в бизнес вкладывать. Сайт сделать, логотип там, хуе-мое. Ну не мое это. Вся эта суета. Ну какой из меня коммерсант? Я как та баба. Как ее там? Кира меня в театр потащила. Дамочка богатая проебала все бабки, по заграницам шлялась, вернулась в родовое имение, а ей ухарь этот хитровыебанный и говорит: ты, сука, сад подели и под дачи сдай. А она ему так с гордостью и отвечает: не наше это барское дело — такой хуйней заниматься. И уехала. И похуй ей там на этот сад и на ухаря этого. Ну вот

и я такой же — мараться просто не хочу. Уж лучше в станицу поеду. На пасеку или в рыбаки».

Но в станицу Сережа не ехал. Хотя Кира не раз предлагала. Да что там предлагала — на колесах стояла, упрасивала. Поезжай в станицу к матери. Затаись, посиди там полгода-год. Надо сменить окружение. Ты же только за дверь выходишь, а там вся эта шушера только и ждет. В себя придешь. На природе. Ты же забыл сам, какой ты настоящий. Иначе все бесполезно. Лечись не лечись. Ты же как белка в колесе. Ты уже без этого колеса не можешь. Оно тебя закрутило на космической скорости. У тебя перегрузки, тебя выворачивает, но ты бежишь. Бежишь и не можешь остановиться. Тебе это колесо заменило все. Всю жизнь.

А ведь она права. Да, он попал в колесо. И эта бесконечная гонка каким-то удивительным образом стала смыслом его жизни. Каждое утро он просыпался с одной целью. Нет, не увидеть Париж и умереть. Смешные люди. Не стоит умирать ради Парижа. Есть вещи и поважнее. Промучиться всю ночь в поисках удобной позы. Если повезло — уснуть. Проснуться. Встать с кровати. Одеться. Выйти из дома. Пройти километров десять. Найти деньги, не встретившись с теми, кому должен, а если встретился, то отмазаться или, что является высшим пилотажем, вымутить у них же еще баблишка. Мозг удивительным образом отшелушивает все ненужное и оставляет только самое необходимое для выживания. Ты — супергерой, и у тебя есть супермиссия. Ложь эволюционирует и достигает космических масштабов. Проникает во все сферы жизни, пускает

метастазы. Еще вчера ты соврал децл, а сегодня тебя уже накрывает лавина собственного лживого дерьма, забивает рот, уши, глаза. Жри его, сука! Подаvisь им! В ход идет все. Нет ничего святого. Все для победы! На благо космоса! А было ли святое у этого отморозка Дыбенко или жены его, сучки — Коллонтай? Все для победы, ебтыть! Над кем? Над чем? А Землячка? Слыхали? Маркиз де Сад по сравнению с ней был просто пай-мальчиком. А теперь ее именем названа улица в Волгограде. А че? Нормально! А он — Сережа. Серега-казак из станицы Новогригорьевской должен добыть всего лишь пару штук каждое утро. Дойти до точки, найти человека, дожидаться, встаться, и все. А дальше — выход в открытый космос...

* * *

С весом на кармане не погуляешь. А когда припрет так, что до дома идти нет никакой возможности, то рад будешь притулиться где угодно. В парадной на Товарищеском в этот раз не вышло. Из квартиры на первом этаже вышел чувак с таксой, окинул подозрительным взглядом входящего Сережу, но прошел мимо — ему некогда, собака нещадно тянула поводок. В пролете между вторым и первым этажом никого не было. Возле мусоропровода закуток, где можно на время затаиться. Но тут стала спускаться девочка с ранцем. Увидев Сережу, она остановилась как вкопанная. В лифте ей, по-видимому, ездить не разрешали, а тут дядька

враскорячку уселся в пролете. Девочка развернулась и пошла вверх по лестнице. И Сережа свалил от греха подальше. В остальных домах двери с домофонами. Пришлось идти на Дыбенко.

Ослабевшими ногами Сережа шел к гаражам — у Веруни там потайная хатка. Он спрятался между двух железных стен, присел на дырявую прожженную сидушку кресла, а через минуту глаза его закатились. Он завалился набок и притих.

Его нашли собаки. Зашумели, запрыгали, взбивая лапами жухлые листья, но, обнюхав Серегу и почуяв неладное, уgomонились. Только обежали разок-другой вокруг гаражей, полаяли для порядка и уселись вокруг него, как тюлени на лежбище. Некоторые, повыше рангом, заботливо прижимались к нему боками, так что ноябрьская морось не разъедала его изнутри. А умная Герда побежала искать Веруню.

*Осень — весна 1998–1999 года,
Волгоград*

6

— Гарик, брат, помоги, выручи, прошу тебя. Сколько сможешь. Меня суки ростовские прижали. Ты меня знаешь, я верну через месяц. Все верну. Мы сейчас тему с финскими красками раскручиваем. Помоги, брателла! Помоги!.. Сука ты!

Отец бросил трубку с такой силой, что на аппарате появилась трещина. Но через секунду начал судорожно листать замусоленную телефонную книжку. Пальцы не слушались и пролистывали по две-три страницы. Наконец он нашел нужный номер и принялся с силой накручивать диск.

— Самвел! Слушай сюда! Ты мне двадцать тонн торчишь. Слушай сюда, я говорю! Мне позарез нужны бабки! Срочно! Да меня не волнует! Меня на счетчик посадили. Если я до среды не верну Кудрину сто штук, мне кранты! Да некуда мне бежать! Они меня везде найдут. Я их знаю. Это не люди, это звери. Они за пятихатку уроют. Не надо меня успокаивать! Ты мне деньги верни! Не знаю откуда! Магазин продай! Дом продай! Жену продай! Верни, падла, мои бабки!

Кира стояла в прихожей, не решаясь пройти в комнату. Последние дни с отцом творилось что-то странное. Он осунулся и как будто даже постарел. Практически не спал, не ел, а только сидел сгорбившись на продавленном диване, дрожащими пальцами закуривал сигарету, не докурив, тушил и тут же закуривал следующую. И непрерывно кому-то звонил.

— Девушка, передайте, пожалуйста, на пейджер 227356 сообщение: «Перезвони мне срочно, Георгий». Спасибо.

Раздался телефонный звонок, и отец молниеносно снял трубку.

— Да. Я. Да, Анна Васильевна. Я заплачу. Еще неделю подождите. Да знаю я, что все сроки прошли. Но я же всегда платил. Поймите, сейчас

исключительная ситуация. Я все понимаю. Я вам обещаю! Клянусь! Деньги будут в среду. Анна Васильевна, нам некуда съезжать, у меня дочка — студентка. Ладно я, но куда я дочь дену! У вас ведь тоже есть дети. Ну вы же видите, что творится в бизнесе. Дефолт. Кризис. До среды! До среды! До среды! Клянусь!

Кира вошла в комнату и присела на диван рядом с отцом. Она положила руку ему на плечи, и какое-то время они сидели молча. Отец не выпускал из рук телефонный аппарат, словно это была дорогая и ценная вещь.

— Слушай, тут такое дело, — произнес он севшим безжизненным голосом, глядя прямо перед собой, — мне придется свалить. Куда, пока не знаю. Тебе придется съехать с квартиры. Езжай к матери. Она, конечно, не обрадуется. У нее там сейчас большая, но чистая любовь в самом разгаре. Но деваться некуда.

Отец отложил телефон на журнальный столик, налил из стоящего рядом графинчика водки в стакан, выпил залпом и задержал дыхание на несколько секунд.

— В конце концов, — выдохнул он и потянулся за сигаретой, — это моя хата и куплена на мои деньги. Придется ей потесниться. Меня будут искать. Тебя, возможно, прижмут. Говори, ничего не знаю. Был — и нету. Исчез. Поняла?

Отец полез в карман, вытащил пачку денег и протянул Кире.

— Вот тебе на первое время. Меня они уже не спасут.